

Елена Шабшаевич

МОСКОВСКАЯ ГАСТРОЛЬ ЛИСТА

Московская гастроль Листа 1843 года имела огромное значение в музыкальной жизни нашей древней столицы. Она стала подлинным взрывом, изменившим отношение московской публики к пианистам, фортепианной музыке и музыке вообще. По сравнению с Листом все прошлые гастролеры ушли в тень, и теперь будто бы высветилась их подлинная роль — роль свиты при короле.

К теме «Лист в России» ранее неоднократно обращались музыковеды, хотя их внимание в гораздо большей степени приковывали петербургские, а не московские концерты Листа¹. Основная причина названа в одном из самых фундаментальных западных исследований о Листе — книге Алана Уокера: московские концерты недостаточно хорошо документированы [26, 378]. Мы видим свою задачу в том, чтобы обобщить известные факты, существенно дополнить их. Для этого необходимо ввести в научный оборот те материалы, которые ранее не были учтены ни отечественным, ни зарубежным музыковедением. Среди них важнейшую часть составляют уже опубликованные фрагменты дневника А. Я. Булгакова² и пока не изданные дневниковые записи Е. В. Филатьевой, которой была практически создана летопись пребывания Листа в Белокаменной. Благодаря этим документам фактологическая сторона московских гастролей Листа существенно пополняется. Если персона московского почт-директора Александра Яковлевича Булгакова (1781–1863), приятеля П. А. Вяземского, В. А. Жуковского, А. И. Тургенева, фигуранта скандального эпизода с перлюстрацией письма А. С. Пушкина к жене в 1834 году, достаточно хорошо знакома знатокам русской культуры XIX века, то о Екатерине Владимировне Филатьевой мало что известно. Екатерина Владимировна (р. 1820) — дочь Владимира

Шабшаевич Елена Марковна — доцент кафедры теории и истории музыки Московского государственного института музыки имени А. Г. Шнитке, старший научный сотрудник Научно-издательского центра «Московская консерватория»

Ивановича Филатьева (1779–1842), тайного советника, сенатора, попечителя Харьковского учебного округа от Министерства внутренних дел. Ее семья была близка к кругам научной и художественной интеллигенции Москвы, в частности, среди ее близких приятельниц — устроительница знаменитого московского литературного салона 1840-х годов Каролина Павлова, урожденная Яниш, дочь известного профессора физики и математики Московского университета Карла Ивановича Яниша и супруга литератора Николая Филипповича Павлова. Семейство Яниш-Павловых активно посещало листовские концерты и во многом помогло с билетами и приглашениями Филатьевым. Екатерина Филатьева сама была большой любительницей искусств, в частности, музыки. Наша героиня, несмотря на явные задатки, не смогла проявить себя в искусстве: ее личная судьба не сложилась, она довольно рано отдалась религиозным настроениям и делам. Однако она, несомненно, была сметлива, наблюдательна и достаточно трезво для молодой барышни ее возраста (ей тогда было двадцать три года) реагировала на происходящее. Ее дневниковые записи интересны именно тем, что показывают, как воспринимало выдающиеся культурные события тогдашнее московское общество. Также благодаря свидетельству Е. В. Филатьевой можно восполнить пробелы в информации о том, какие произведения играл Лист в Москве. Кроме того, ею зафиксированы такие ценные детали, которых не встретишь в других воспоминаниях: Филатьева не только посетила почти все концерты Листа, но и побывала на обеде в честь великого музыканта, следила за публикациями в прессе. Ее заметки во многом перекликаются с наблюдениями А. Я. Булгакова, что подтверждает достоверность сообщенных обоими сведений.

Лист впервые появился в Москве, по-видимому, 22 апреля 1843 года³, в четверг, вечером (как утверждает Филатьева) или 23 апреля (как говорится в дневнике Булгакова)⁴. В воскресенье, 25 апреля, в Большом театре с огромным успехом состоялся его первый московский концерт. Все его последующие публичные концерты (27 и 29 апреля, 2, 4, 9, 12 и 16 мая), как и выступления в концертах других артистов, проходили при полном восторге публики — в отличие от Петербурга, где Листа принимали значительно менее горячо, чем годом ранее⁵. По словам Стасова, «Москва была <...> от Листа <...> в беспредельном энтузиазме, почти столько же, как Петербург в 1842 году» [17, 424]. Экзальтированный прием Листа в Первопрестольной объяснялся, в первую очередь, конечно, художественными

¹ Приведу их в порядке публикации: [19; 23; 6; 17; 1; 11; 7; 13; 14; 5; 22; 18; 15; 16]. Обобщение большинства этих материалов содержит монография Я. Мильштейна [12].

² Большие фрагменты этого архивного источника [3] были переведены с французского Н. В. Снытко и опубликованы С. В. Шумихиным [4]. Эпизоды дневника, касающиеся пребывания Листа в Москве, впервые напечатаны журналом «Наше наследие» [9].

³ Все даты приводятся по старому стилю.

⁴ См. также письмо А. Н. Верстовского к А. М. Гедеонову от 27(?) апреля 1843 года [13, 60]. Датировка письма в этой публикации явно ошибочная, так как Верстовский пишет: «Сегодня приехал Лист» и далее обозначает предполагаемые договоренности с музыкантом (если бы речь действительно шла о 27 апреля, Лист к этому времени уже успел бы дать свой второй концерт); кроме того, следующее письмо датировано 24 апреля. Скорее всего, Верстовский написал Гедеонову все же 22-го вечером или 23-го.

⁵ Как справедливо отмечает О. В. Лосева, в первый приезд в Петербург успех Листа был таким неслыханным в значительной степени из-за рекламы. В следующий раз успех был гораздо меньше, в том числе и по причине отсутствия рекламы — «он [Лист] свалился как снег на голову» [10, 128].

причинами и беспредельным обаянием личности великого музыканта, но не только этим: Москва по обычаю несколько «фрондировала».

Некоторая холодность великосветской публики в северной столице (которая, впрочем, компенсировалась горячим признанием знатоков, в частности, на знаменитом обеде у М. И. Глинки) объяснялась и тем, что Листом была недозвольна императорская фамилия — видимо, из-за его пропольских настроений и некоторых вольных высказываний и поступков. Уже после первого своего посещения России Лист состоял под наблюдением тайной полиции. Во время второго посещения — особенно после того, как Лист открыто выразил сочувствие поработанному полюкам, — надзор был усилен. Как сообщает Уокер, ссылаясь на исследования Лины Раман и Ла Мары, император Николай I дал понять Листу, что желает, чтобы тот участвовал в концерте в пользу инвалидов, и Лист отказался: «Во Франции я получил образование и приобрел славу, — ответил он. — Бестактно с моей стороны будет праздновать вместе с ее соперницами». Когда царь услышал это, он будто бы сказал одной из придворных дам: «Прическа и политические взгляды этого господина мне неприятны». Эта ремарка была услышана Листом, который якобы ответил: «Я отрастил волосы в Париже и остригу их тоже только в Париже. Что касается моих политических взглядов, то у меня их не было и не будет до того момента, пока царь не соизволит предоставить в мое распоряжение три тысячи штыков» [26, 289]. Стасов считает этот рассказ недостоверным, однако неопровержим тот факт, что в традиционном концерте в пользу инвалидов Лист играть отказался, дав при этом множество других благотворительных концертов в России.

После концертов в Москве Лист вновь ненадолго появится в Петербурге и как-то неожиданно его покинет. Сам Лист так объяснил это Зилоти:

Когда я концертировал в России, я был приглашен играть у Николая I; во время игры государь подозвал своего адъютанта и стал о чем-то с ним разговаривать. Я перестал играть; наступила тишина. Император подошел ко мне и спросил, отчего я бросил играть. Я ответил: «Когда Ваше Величество разговаривает, все должны молчать». Николай I с минуту на меня с недоумением посмотрел; потом вдруг нахмурил брови и сухо сказал: «Господин Лист, экипаж вас ждет». Я молча поклонился и вышел. Через полчаса в гостиницу ко мне явился полицмейстер и сказал, что через шесть часов я должен покинуть Петербург, что я и сделал. Вот поэтому я и могу вернуться в Петербург только по личному приглашению императора и должен ждать этого приглашения [8, 50–51].

В определенных кругах в Москве пытались «держать нос по ветру», не выказывая «излишнего» восхищения талантом Листа, но большинство слушателей эту тенденцию не поддержало. Однако не будем забегать вперед и расскажем все по порядку, обратившись, как к путеводной нити, к нашей «филатьевской» летописи, и дополняя ее другими источниками.

Только узнав о прибытии Листа, 25 апреля, в воскресенье, в день первого концерта, Екатерина Владимировна восклицает:

Большая музыкальная новость! Столь ожидаемый Лист уже здесь! Он прибыл в четверг вечером, в пятницу мои тетушки и Наташа⁶ уже абонировали ложу,

⁶ Кузина Екатерины Владимировны, Наталья Жерве, пианистка-любительница. Ее отец Константин Карлович Жерве (1803–1877) — выдающийся военный инженер, генерал-майор, входивший в военное окружение императора Николая I, автор мемуаров, отрывки из которых печатались в «Историческом вестнике» с мая по декабрь 1898 года. В этих отрывках, к сожалению, нет упоминания о гастролях Листа, только сказано, что в 1843 году в связи с расстро-

ибо он дает свой первый концерт сегодня в театре. Вчера говорили, что Маман и Софи⁷ нанесли визит тетушке Софи для того, чтобы меня тоже пригласили <...>. Мы считали, что этот прекрасный концерт состоится в зале Собрания, и были приглашены вместе с нашими тетушками на хоры, потому что, к нашей печали, не смогли купить других билетов <...>, к счастью, в театре, наоборот, смогли [21, л. 93 об.]⁸.

Причина, по которой Листу не предоставили зал Собрания, была чисто технической и совершенно обычной для московской концертной практики: самый большой зал, пригодный для концертов, часто отдавался под всевозможные общественные мероприятия. В летний сезон 1843 года намечалась Всероссийская мануфактурная выставка, которая должна была занять восемнадцать комнат Благородного собрания и требовала переоборудования помещения. Странно, что секретарь музыканта Беллони об этом не разузнал заранее. Сразу после неудачи с залом Собрания он обратился за помощью к Дирекции императорских театров. А. Н. Верстовский, который был в то время главой московской конторы, согласился на сдачу в аренду театральных залов (Большого и Малого театров), но предложил, однако, довольно тяжелые условия: «все три концерта давать пополам с Дирекцией или же из трех концертов второй отдать в пользу Дирекции» [7, 79–80]. «Это недостойно! — восклицает Филатьева (л. 95 об.). По-видимому, и сам Верстовский сомневался в приемлемости подобных условий, но Лист, которому буквально некуда было деваться, ибо других подходящих залов в Москве не существовало, принял второй вариант. Более того: несмотря на усталость от вчерашнего концерта, он согласился выступить в бенефисе актера Малого театра Федора Петровича Усачева 30 апреля. Правда, потом Листу удалось — таки договориться за внушительную сумму денег на один концерт (2 мая) в зале Собрания. Из общественных залов он играл также в Купеческом клубе (6 мая).

Дирекция императорских театров надеялась с помощью Листа поправить свои пошатнувшиеся финансовые обстоятельства, и ей это удалось, о чем свидетельствует письмо Верстовского к Гедеонову после концерта в пользу Дирекции (27 апреля): «Ожидания мои сбылись. Концерт Листа, данный в Дирекции с избытком вознаграждает потери двух дней на Большом театре. Сбор получен был 1408 р. 40 к. сер[ебром], чего по теперешнему времени в три спектакля сделать невозможно» [7, 79–80].

Московское общественное мнение уже было в значительной степени подготовлено к прибытию знаменитого пианиста. Его не дождалось во время пребывания в России год назад, тем большей радостью было появление Листа под конец этого сезона. Об этом говорит в своих воспоминаниях Бугаков, о том же свидетельствует и Филатьева:

О Листе с большим энтузиазмом пишут во всех журналах и книгах, публикуют его портреты и его биографию; меня поразила медаль в его честь. Его

енным состоянием здоровья К. К. Жерве с семейством жил в Москве. Сам Жерве в молодости играл на скрипке, остался на всю жизнь меломаном, развивал музыкальные таланты в дочерях — Наталье и Ольге, которая в Петербурге брала уроки фортепиано у Дрейшока и аккомпанемента у Г. Венявского.

⁷ Мать Екатерины Владимировны, Наталья Петровна (урожд. Писемская) и сестра Софья Владимировна (1818–1898). В 1871-м году на средства Н. П. Филатьевой было организовано Филатьевское училище для девочек.

⁸ Здесь и далее пер. с фр. автора статьи. Далее при цитировании Дневника в основном тексте будут указываться только номера листов рукописи.

имя окружено ореолом гениальности, доброты, хороших поступков и прочих выдающихся качеств, слухи о которых доносятся с разных концов Европы; подчеркивается, что он не только музыкальный гений, но и человек хорошей репутации, превозносят его благородство. К тому же надо прибавить выдающийся ум, пылкое воображение, характер, поразительно оригинально следующий всему природному, чтобы заключить, что этот человек достоин только восхищения. Я читала в одном музыкальном обозрении письмо, написанное им: оно наполнено [глубоким] смыслом и восхитительно по стилю. Его характер полностью выразился в его музыкальных сочинениях, они исполнены энергии и отличаются оригинальностью. Я всегда стремилась их услышать, играя в эти годы его музыку, живо ей ею восхищалась, признавала ее очевидную красоту; знакомясь с его сочинениями, горячо желала узнать человека, их породившего (Л. 93 об. — 94).

Неудивительно, что приезд Листа вызвал огромный ажиотаж. К тому же недостаток информации о том, где и когда состоится его выступления, породил дефицит. Билеты были расхвачены сразу, и многие желающие не смогли попасть в Большой театр ни на первый, ни на второй концерт. Это коснулось даже «ближнего круга». А. Я. Булгаков рассказывает о том, насколько велика была неразбериха. В первый день пребывания в Москве, 23 апреля, Лист находился в гостях у своих давних знакомых, еще по Риму, князей Долгоруковых, у которых собирался играть тем вечером, но поскольку слухи об этом быстро разнеслись по городу, народу собралось много, и Лист не музицировал, пообещав сделать это в другой раз.

Мы сидели, разговаривали, как вдруг входит молодой гусарский офицер Василий Николаевич Новосильцов. «Что с вами, — спросила его Ольга⁹. — У вас озабоченный вид». — «Действительно, — ответил Новосильцов. — Я не в духе. Я был в театральной кассе, хотел взять ложу на концерт Листа, — он дает его послезавтра, — все места оказались проданы!» Можно себе представить всеобщее удивление при сих словах. «Как, господин Лист, — вскричала Ольга, — вы мне ничего не сказали о вашем концерте, а ложу для меня вы оставили?» — «Я в это не вмешиваюсь, княгиня, я все препоручил театральной кассе». — «Но тогда я не получу ложи, вы же слышали, что они все заняты». — «О! Уж извините, им придется дать мне ложу для вас, ибо, если ее не дадут завтра, я не дам концерта!» [9, 73].

Интересно, как Булгаков комментирует поступок Листа: в его словах слышится и восхищение, и высокомерие аристократа, привыкшего к подобострастному поведению артистов:

Фраза эта конечно любезного и благовоспитанного французского маркиза, а не венгерца, разъезжающего по Европе, чтобы собирать деньги со всех, но какое имеет Лист право отменять концерты, оттого, что не исполнил обязанность вежливости: прежде всего, надобно ему было предложить ложи и кресла знакомым своим, не оскорбляясь нимало отказами, потому что в охотниках недостатка не будет. Лист на другой день прислал к Ольге билет на ложу, и весьма близкую к сцене [там же].

Однако, думается, инцидент не был исчерпан, потому что мы знаем о курьезном факте в начале первого концерта, о котором управляющий московскими

⁹ Хозяйка дома — Ольга Александровна, кн. Долгорукова (1814–1865) — младшая дочь А. Я. Булгакова. Была замужем за князем А. С. Долгоруковым (1809–1873), чиновником особых поручений при московском генерал-губернаторе, чей превосходный портрет написал В. А. Тропинин, и с которым затем у Листа вышла размолвка (см. ниже).

театрами рассказывал директору. Вслед за Листом на сцену вышла целая толпа, в которой были кн. Алексей Голицын, Шеппинг¹⁰, кн. Долгоруков, Булгаков, Васильев и другие лица. Они не получили ближайших к сцене кресел и пожелали остаться на сцене на время концерта. Конечно, Верстовский не мог этого допустить: «<...> тяжеленько мне было их выпроводить, — признается он в письме к Гедеонову от 28 апреля, — тем более что многие из них клялись и божились, что Ваше превосходительство дозволили бы им остаться на сцене. А так как я знаю, что Вы не изволите жаловать, то тем с большими затруднениями я их со сцены выжил, за что они весьма на меня негодуют. Поместились же они в тринадцатом ряду кресел» [7, 80].

В силу всех этих обстоятельств, не случайно, что, попав, среди других счастливых, на первый концерт Листа, Екатерина Владимировна, как и все слушатели, словно «узнала» уже знакомое и в то же время была совершенно ошеломлена:

[26 апреля, понедельник]

Нет, я не слышала ничего великолепнее по непринужденности! — он превзошел мои ожидания, нет слов, чтобы выразить все то, что я испытала, это за пределами моих возможностей. Когда он появился, было впечатление дежавю, по его портретам мое воображение уже сформировало тот превосходный образ, который и предстал пред мной. Он играл сначала увертюру к «Вильгельму Теллю», в переложении для фортепиано соло, с потрясающим совершенством. Под его пальцами звучал не рояль, этот обыкновенный инструмент, — нет, он словно вбирал в себя все инструменты. Когда он играл эпизод грозы, представлялось, что звучат разнообразные органы. Как только Лист закончил, и раздался гром аплодисментов, он показался чрезвычайно усталым и как будто был далек отсюда; [однако] тут же уселся за фортепиано и, к большому удивлению публики, заиграл пьесе еще более трудную — Воспоминание о «Лючии ди Ламмермур». Примечательно, что Лист все играл наизусть и как бы по вдохновению, будто импровизируя и словно фантазируя в тот самый момент. Затем, после короткого перерыва, в течение которого он не имел возможности отдохнуть, ибо зал требовал повторения, он исполнил свою Фантазию на «Сомнамбулу». Она восхитительна, и Лист ее играл так душевно, с таким чувством, что мне оно передалось; когда он играл мотив в левой руке, аккомпанируя трелью в правой, [в зале] раздался вздох восхищения. Я отдала бы все на свете, чтобы его подавить, так было страшно, что порыв восторга заглушит изысканность пассажей. После этого Лист *спел* [выделено Филатьевой. — Е. Ш.] Серенаду Шуберта, как будто сверхчеловеческим голосом, голосом небесным, что ему подвластен; он волшебник, который переносит в иные сферы, окутывает магией, доставляет небесное наслаждение! «Лесного царя» он сыграл с таким потрясающим совершенством — поначалу ощущение ужаса, потом меланхолическое чувство, когда слышишь мелодичный голос Лесного царя. В конце он исполнил Хроматический галоп, невероятной трудности; я слышала, как его играли многие, среди которых и Майер, я сама его пыталась играть, — так вот, в исполнении Листа он был неузнаваем. Вместо того чтобы стучать и греметь, он начал пианиссимо, и его пальцы стали порхать над клавишами, слегка их касаясь. Он изменил эту пьесу, которую я раньше не считала особенно изысканной; более того, создалось впечатление, что играть ее очень легко! Лист играл как ангел и как демон, перед тем как это услышать, я даже и подумать не могла, что можно так играть! Тальберг сказал: «Можно играть как я, как Лист — никогда, он неповторим». Хорошо сказано: он

¹⁰ Голицын Алексей Алексеевич (1800–1876) — богатый меломан; барон Шеппинг Дмитрий Оттович (1823–1895) — историк, археолог, этнограф. Дом Шеппингов славился собраниями, посвященными литературе и искусству.

превосходит всех пианистов прошлого, настоящего и будущего, можно сказать, что он объединил в себе всю их мощь, энергию, страсть! Какое глубокое чувство! Он Бог Музыки!

Когда он за роялем, кажется, что он находится в мире, им самим сотворенном, он вдохновлен, вкладывает всю страсть в то, что играет, только этим он взволнован и увлечен. Так как я могу отдаленно это постигнуть, он мне казался близок, со своим крайне интересным лицом, длинными, свободно струящимися волосами, скромным видом, выразительными глазами; все в нем создано для того чтобы нравиться. Он чрезвычайно сухощав. <...> Это правда, что у него нет уравновешенности и безмятежности Тальберга. Лист высоко вскидывает руки, сильно наклоняется к роялю, он искусно использует свое деликатное телосложение. После каждой пьесы Лист выходил на поклоны пять или шесть раз, восторг был всеобщий, раздавались необузданные крики, страшно шумные хлопки, которые его радовали, — он был чрезвычайно признателен за эти приветствия. Он, должно быть, обладает особой вежливостью, ибо, направившись к выходу, не повернулся к публике спиной и не переставал кланяться. Он себя показал очаровательным, воспитанным человеком, я просто в него влюбилась. <...> Театр был полон, не было ни одного свободного места. Завтра он играет для Дирекции [Императорских театров] и в четверг даст свой второй концерт; как я хочу иметь место в ложе! Вчера, возвратившись с концерта, я была так потрясена, что, выйдя навстречу Маман, не смогла издать ничего кроме восклицаний, все слова были бессильны выразить, как переполнена моя душа! (Л. 94–95).

Как это ни странно, не все слушатели сначала были так сильно впечатлены Листом. Екатерина Владимировна пересказывает носившуюся в свете остроту, которая дает ясное представление о том, что некоторая часть московского общества любителей музыки была настроена против Листа. Возможно, это было отражением холодного, если не сказать неприязненного отношения официального Петербурга. Впрочем, автор дневника недвусмысленно дает понять, какого ранга событие на самом деле происходит в те весенние дни в Москве:

«Музыкальное общество Москвы, во главе которого стоит Господин Аладдин¹¹, покровительствует всем артистам, говоря по-французски, d'amateurs [любителям. — Е. Ш.]» (острота Вадима¹²). М-ль Волкова, г-н Михаил Волков, Безобразов¹³ и другие, это общество меломанов, которые объединились для того, чтобы судить талант Листа, после долгого исследования вынесли единогласное решение, что он плохо играл Серенаду, и что в целом в его игре много недостатков. Я уверена, что невозможно хладнокровно воспринимать разные укоры его исполнению от этих людей, заслуживающих быть помещенными в дом сумасшедших. В Москве сейчас уникальное явление, и даже для тех, кто ничему не удивляется, сейчас существует реальная возможность исправиться. Это смешно, в конечном итоге, везде видеть грязь, всем навязывая свою неприязнь,

¹¹ Это прозвище, очевидно, принадлежит одному из руководителей Московского музыкального благородного собрания.

¹² Знакомый Е. В. Филатьевой, фамилию которого установить не удалось.

¹³ Волковы принадлежали к видному московскому дворянству, их особняк (д. № 14) на Малой Никитской хорошо знали в культурной Москве. Михаил Аполлонович Волков — дипломат, некоторое время был членом Союза благоденствия. Мария Аполлоновна Волкова известна в литературе письмами о Москве 1812–1817 годов. У них была младшая сестра Екатерина Аполлоновна (в замужестве Рахманова), отличавшаяся особой красотой и музыкальностью. Как пианистка-любительница Е. А. Рахманова часто выступала в благотворительных концертах благородных любителей музыки.

Сергей Дмитриевич Безобразов (1801–1879) — флигель-адъютант, участник кавказских походов.

и к кому — к Листу — известному повсюду в Европе как музыкальный феномен (Л. 95 об.).

На концерт 27 апреля Филатьева не попала, о чем страшно сожалела. Однако на концерте 29 апреля она побывала и опять, как и подавляющая часть публики, была очарована:

[30 апреля, пятница]

Я совершенно без ума от Листа, и не могло быть по-другому: я плачу, я смеюсь, я строю догадки. Его игра — это действительно какая-то феерия: [хотелось] еще слушать, еще уноситься вдаль. Я ждала с известным нетерпением (которое со всей очевидностью проявила) времени концерта, пребывая в этом состоянии все часы и минуты, оставшиеся до начала счастливого момента. Наконец в половине восьмого мы отбыли, надо было еще найти Наташу, и все, о чем я могла думать, это о досадном промедлении. Мы прибыли за четверть часа до начала. Первая пьеса, которую он играл, была Фантазия на мотивы из «Нормы», она очень красивая и чрезвычайно виртуозная, никто в мире не сумел бы [так] сыграть; что до Листа, то у него в наиболее трудных и сложных пассажах мотив был слышен и постоянно угадывался в разных обличьях. Среди прочих великолепных тем «Нормы» он выбрал самую красивую арию — ее молитву; он исполнил ее восхитительно, заставив рояль запеть, слышен был голос — не человеческий, но ангельский! По окончании этой пьесы видно было, что Лист устал, и после небольшого отдыха он начал новую пьесу; я видела, что он подошел к краю эстрады для того чтобы поговорить с публикой, и воздействие его голоса было волшебным. Первые слова, которые были слышны сквозь шум зала, несмотря на все их спокойствие, достигли самых отдаленных мест. «Я предпочел бы объяснить по-русски, но не знаю языка; в программе содержится некоторое недоразумение — ошибка в номерах 2, 5 и 6; я прошу разрешения сыграть сначала Тарантеллу Россини, потом Мазурку Шопена и Полонез из «Пуритан», затем Мелодию и Венгерский марш и далее по списку». Он объяснился столь очаровательно, немного грассируя, он говорил с такой нежностью и вежливостью, что я всегда желала бы, чтобы другие таким же образом «перрременяли» [тут Филатьева шутливо имитирует грассирование Листа. — *Е. Ш.*] свои программы. Он играл в том порядке, как и сказал, три пьесы, одну за другой без перерыва. Тарантеллу и Мазурку он исполнил в совершенстве — это были образцы грации и легкости; его туше восхитительно, будто он роняет изысканные жемчужины. В Полонезе из «Пуритан» он был неподражаем как всегда. На разных концах сцены стояли два рояля, он играл все эти пьесы на одном из них, повернувшись к нам тылом, так что мы могли видеть только его руки, но на три последние пьесы он устроился за другим инструментом, так что его великолепная фигура была анфас прямо напротив нашей ложи. Я никогда не видела настолько подвижного лица, его фигура, не отвечающая каноническим правилам красоты, может внушать страсть, даже поневоле; графиня Арабелла д'Агу [Филатьева ошибается, имя графини — Мари. — *Е. Ш.*] бросила ради него мужа и детей, и точно так же любая другая может потерять от него голову, сердце и репутацию. Я уже не говорю о том, что испытываешь, видя его страдающее, нежное и страстное выражение, разрывающее мое сердце, он худ и бледен, его глаза так выразительны, как — о, я не ведаю, что говорю... У него такой вдохновенный вид, когда он играет, он передает своей фигурой сам характер музыки; только устанавливается выражение непостижимой меланхолии, как тут же сменяют страсти, охватывает ужас, а например, один раз в скерцандо зачаровывающая улыбка тронула его губы, вся его душа отражается на его лице, я уверена, что даже глухой поймет или вообразит все, что он играет, только лишь внимательно взглядевшись (Л. 96–97).

Прервем ненадолго цитирование дневника Филатьевой, дополнив ее впечатления воспоминаниями очевидцев московских концертов о манере Листа держаться за роялем и выразительности его лица.

А. Я. Булгаков:

Надобно видеть выражение лица Листа, когда он играет, на нем изображаются попеременно все страсти. Многие думают, что движения, которые он делает руками, головою и плечами, умышленны и разочтены для эффектов... Это несправедливо! Чрезмерные усилия и проворство в игре Листа таковы, что они должны приводить не только в движение, но даже в расстройство все члены телесные. Волосы Листа, падающие с обеих сторон по плечá [так!], часто закрывают лицо его: когда может он уловить удобное мгновение, то вдруг закидывает рукою за уши волосы, или сильным движением головы отбрасывает их назад. Механическая работа Листа столь тяжела, что когда Лист оканчивает игру свою, он весь в поту, и на лице его изображается сильное изнурение. <...> Впрочем, Листа не довольно слушать, надобно и смотреть на него, когда он играет, и в эту минуту надобно желать быть живописцем [9, 74].

И. Арсеньев:

Когда Лист во время концерта приближался к роялю при восторженных аплодисментах публики, то страшно конфузился, неловко кланялся и усевшись наконец, вынимал из кармана два платка, которые клал по правую и левую сторону пюпитра. В момент прикосновения пальцев его к клавишам он, видимо, забывал все его окружающее и овладевал публикой своей воистину гениальной игрой, равной которой мы не находим до сих пор у современных композиторов-пианистов. Присутствовавшие на его концертах не замечали смешных взмахов Листом рук чуть не выше головы, его ерзанья на стуле и разных вполне комических кривляний. Волшебные звуки электризовали публику, и мертвая тишина царила в концертном зале не только во время игры Листа, но несколько минут и по окончании им той или другой пьесы [1, 158].

Слова Арсеньева об «электризации» Листом публики — не только собственными звуками музыки, но и взглядом — подтверждает и Екатерина Владимировна, к впечатлениям которой от третьего концерта Листа мы вернемся:

Мелодия и Венгерский марш — это великолепная пьеса траурного и печального характера. Я постоянно наблюдала этот прекрасный взгляд, который проникал мне в душу, я была подавлена, и горло мое перехватило от выражения горя на его лице; когда он вздыхал, это было как будто мне на сердце лег камень. Последняя пьеса была самой красивой во всем концерте — Фантазия на мотивы «Дон Жуана». Он переложил «[Là] Si darem la mano» и прочие мелодии; я не могла сдерживать слез: это самое прекрасное пение, которое только можно услышать (Л. 96–97).

Далее восторги Филатьевой идут по нарастающей. Обратим внимание, что она отнюдь не одинока: ажиотаж, охвативший публику, не миновал никого:

[Концерт 2 мая]

Упавший клочок бумаги, в котором последовала эта просьба к Листу [сыграть Фантазию на «Сомнамбулу» — *Е. III.*], сохранили на память. Некая молодая особа (мадемуазель Кнорринг) посчитала за счастье поднять цветок, который он уронил, и пообещала тщательно хранить его. Так искренне было охватившее всех, старых и молодых, исступление. Сенатор Нечаев утверждал, что игра Листа напомнила ему чувства, которые он испытывал в пятнадцать лет, господин Хомяков¹⁴ сказал, что он не удивился бы, если бы не оказалось ни одного живого

¹⁴ Алексей Степанович Хомяков (1804–1860) — поэт, философ, один из основателей

на концерте — все как будто бы замерли в тот момент и оставались недвижимыми. Княгиня Елена Мещерская, весьма нервная особа, расплакалась и вынуждена была покинуть зал. Я тоже почти заплакала, но, применив попеременно очки и лорнет, удержала слезы. Как ни странно, невозможно сдержаться, даже самое холодное сердце приходит в смятение (Л. 98 об. — 99 об.).

А. Я. Булгаков зафиксировал еще одну запомнившуюся многим деталь концерта 2 мая:

Все те, кои слышали за несколько лет назад Листа, все согласны в том, что он многое переменял в игре своей. <...> Игру его можно сравнить только с беглым огнем... Это быстрота молнии. Что же касается до силы сверхъестественной, которая в его пальцах, то мы видим оной пример в собственном его концерте: когда Лист играл [*пропуск в тексте*], то начал он давать треллер, который долго он продолжал, и все с возрастающею силою, и, наконец, потрясение, произведенное в инструменте... чем? — двумя пальцами человека! — потрясение было столь велико, что бляха, прикрепленная медным ободочком к фортепианам, и на коей вырезано было имя мастера Лихтенталя, — бляха сия отскочила, упала на руки Листа, и он сбросил ее поспешно на пол, не прерывая игру свою. Николай Петрович Демидов, сидевший тут недалеко, тотчас подбежал, поднял бляху и положил в карман. Когда Лист отыграл, то Демидов, подойдя к нему, сказал: «Г-н Лист, разрешите мне взять эту бляху, как воспоминание о ваших успехах в Москве?». — «По правде сказать, рояль мне не принадлежит... но, сударь, вы можете взять бляху, если хотите» [9, 75].

И вновь Филатьева:

[Концерт 12 мая]

Еще раз услышали божественного Листа — и еще больше восторга. Чем больше я его вижу и слышу, тем больше теряю рассудок! Вчера в продолжение всего вечера мое сердце было полно от непролитых слез, несмотря на все мои усилия сохранить видимость веселости перед Софи и Наташей; уже по возвращении с концерта я вознаградила себя за это принуждение. Я плакала как безумная, пока не успокоилась, моя подушка промокла от слез, но эмоции, которые я испытывала, меня действительно ранили, уничтожили. Я не могу себе представить, что слышала все это в последний раз, эта мысль причиняет мне почти смертельное горе, нет, я позволю себе вздохнуть о радости, о счастье еще раз видеть его (Л. 108).

Еще одна важная деталь — как Лист без слов общался с публикой во время своего выступления, словно регулируя ее настроение — проясняется из следующей записи, о том же концерте 12 мая:

Лист начал концерт с Фантазии на мотивы из «Жидовки», очень трудной; это непостижимо, что он делает пальцами; то, что для всех — серьезное препятствие, для него — шутка, не более того. Он был еще красивее, чем обычно, следы меланхолии отмечали его прекрасные черты, было заметно, что он пребывает в печали. Большая разница, когда он печален или весел, но в дух своих противоположных внутренних состояниях он равно остроумен. Далее он аккомпанировал две арии Чиабатте¹⁵, имеющему неплохой голос, но им, по-моему,

славянофильства.

¹⁵ Джованни Баттиста Чиабатта (правильнее — Чабатта; Ciabatta; 179?–186?) — итальянский певец (бас); входил в основанное еще Палестриной в Риме Братство Св. Цецилии (с 6 октября 1841 г.), членом которого был также и Лист (с 15 января 1839 г.). Неоднократно гастролировал в России. Е. М. Феоктистов в письме к И. С. Тургеневу дает ему пренебрежительную характеристику: «не более как статный и дебелый итальянский мужик» [20].

больше восхищаются из-за его внешности. Пока Чиабатта пел, был слышен его аккомпаниатор, это именно он пел на рояле и тем самым подбадривал Чиабатту взглядом и жестах. Потом он сыграл Ave Maria Шуберта, возвышенную вещь; говорят, что он словно молился Деве Марии в храме — голова склонена к земле, глаза опущены. Его лицо приняло выражение рвения, как будто он уже не может удержаться на ногах от раскаяния, грешник просил Бога о прощении грехов. Я сама, скажу без преувеличения, будто перенеслась в церковь и увидела его молящегося, расprostертого у подножья алтаря. То, что я слышала, было не музыкой, но пылкой молитвой, которая проникала прямо в сердце; в конце он симпровизировал несколько красивых аккордов, будто его душа должна была излиться в подлинно религиозных мелодиях. В этот момент я почувствовала, что готова разразиться рыданиями, и спрятала слезы, прижав кончиками пальцев очки. Вскоре после Шуберта он начал мазурку Шопена, ту самую, которую мы уже слышали на втором концерте, но она была неузнаваема: он сыграл ее в такой меланхоличной манере, что она приняла облик грустной и утешительной грезы. Он ее изменил, сам, в печальном духе, и вслед за ней сразу начал играть другую мазурку, более веселую, но его голова оставалась в том же положении, что и в начале; потом последовал пассаж, который очень понравился, потому что Лист его симпровизировал, а мелодия этой мазурки осталась звучать, и как будто бы печаль наконец сменилась радостью. К несчастью, в тот момент, когда он еще раз воспроизвел мотив, публика, не способная больше сдерживать своего восторга, разразилась аплодисментами. Лист хотел продолжить, но остановился после двух тактов, демонстрируя нетерпеливым жестом, что не может играть из-за шума. Я так хотела, чтобы публика стихла, это было так прекрасно, и мы бы, возможно, еще долго наслаждались причудливым полетом его вдохновения. Когда Лист возвратился за фортепиано, он сыграл восхитительный Этюд Шопена, который не был обозначен в афише, и еще Полонез того же автора, который он исполнил как марш. После этого он сыграл Фантазию на «Сомнамбулу», которую я слушала уже в третий раз, каждый раз всё с большим удовольствием (Л. 108–109).

Весьма интересен рассказ Екатерины Владимировны о том, как Лист выбирал мотивы для импровизации и импровизировал в конце концерта. Как импровизации в заключение концерта, так и ответы на разного рода вопросы были известной уступкой публике, и Лист, подобно другим исполнителям, порой вынужден был высказывать мнение о предметах совершенно посторонних, например, о железной дороге и Миланском соборе, или даже рассуждать на тему «Что лучше: жениться или остаться холостяком?» [12, 483]. К чести московской публики, подобных заданий «импровизировать» по поводу достижений промышленности, а также архитектуры, философии, психологии великому музыканту не давали.

[Концерт 12 мая]

Потом был короткий перерыв, после которого Лист появился, держа в руках листки бумаги. Это были мотивы, которые все желающие оставляли при входе в театр, и на которые он собирался импровизировать. «Я не богат мотивами сегодня, — сказал он, — их всего четыре или пять, сейчас мы посмотрим что там...» И он развернул нотную тетрадь, перевязанную розовой лентой. «Вот русская песня, которой я не знаю, затем цыганские песни, романс Лафона¹⁶ “Puis il lut ça qui suit”. Пятая особа просит господина Листа импровизировать на мотивы “Гугенотов”. Но следовало бы указать точнее, на какую тему, может быть, на хорал?». Он наиграл тему, и в зале зааплодировали. Его лицо настолько под-

¹⁶ Шарль Филипп Лафон (Lafont; 1781–1839) — французский скрипач и композитор, автор более двухсот романсов.

видно, что все движения его души отражаются в малейших нюансах. С каждым новым листком, который он разворачивал, выражение его лица менялось. Один раз, внимательно рассмотрев записку, он сказал со вздохом сожаления: не могу понять, что тут написано (было неразборчиво). Другой листок он развернул второпях и прочитал: «Господина Листа просят импровизировать на эту русскую песню, сначала одну вариацию, затем фугу, аллегро и анданте, все это левой рукой, это говорится о теме¹⁷». «Это просто пустяк», — также прочитал он с иронией и сказал потом: «Мне кажется, я не способен на такое. Впрочем, я думаю, что знаю, от кого пришло это задание, — добавил он вполголоса. Его лицо сверкнуло радостью, когда он раскрыл последнюю записку. «Так, а вот это знакомый мотив — из моей любимой пьесы Паганини “Карнавал в Венеции”. Разрешите мне сначала просто проиграть мотивы, так как я не знаю, какой из них выбрать». Он сначала сыграл с листа русские песни и далее остальное, и когда дошел до той, на которую просили фугу, то сказал: «Мной будут недовольны, поскольку я сыграл двумя руками, а просили одной левой, но я надеюсь, меня извинят». Когда он завершил проигрывание тем, он повернулся к аудитории, говоря: «Я буду импровизировать сначала на хорал из “Гугенотов”, затем на... пардон... романс Лафона и на “Карнавал в Венеции”. Если вы не возражаете, то и на эти русские песни — мне лично они очень понравились». Все заплодировали снова, мне очень импонировало, что он объяснялся с публикой, как будто беседуя сам с собой у себя в комнате: сколько естественности и грации в его манерах! Сев за рояль лицом к нам, Лист сказал: «Я буду Рудольфом»¹⁸ (хвастливо, как бывший любитель, который вдруг оказался теперь здесь, на этой сцене). Он задумался на некоторое время, будто прислушиваясь к голосу свыше, и стал импровизировать на тему хорала и затем на две другие темы, которые выбрал. Я была потрясена мощью его гения, он играл не только под влиянием мгновенного вдохновения, но как бы медитируя и размышляя, и пьеса получилась восхитительной. Своим талантом он довел начальную идею до совершенства. Слова бессильны передать ту волшебную силу, которая от него исходила. Ограничусь только тем, что скажу: во время этой импровизации, как и во время прочих, он был тонок, неподражаем, очарователен, божественен... (Л. 109–109 об.).

Восторгались все: не только молодая девушка с пылким воображением, но и умудренные опытом мужчины:

А. Я. Булгаков:

Я в восхищении от его игры. Многие меня спрашивают: да есть ли в нем это?.. душа, чувство, приятность? Довольно трудно изображать чувство на инструменте, каково фортепиано. Это не скрипка, не духовой инструмент, а инструмент от человеческого голоса самый отдаленный. Краткость звуков должно вознаграждать другими секретами, и это искусство Листу дано в высочайшей степени. Я, например, был поражен фантазиями его из «Нормы»: тут есть пассаж один, который возбудил всеобщее удивление. Лист играл левою рукою и тему и *accompagnement* в одно время, а правую делал треллер *allegro*, который всегда гармонировал с темой левой руки; обе руки играли, всё усиливаясь, всё *crescendo*, так что треллер, наконец, уподоблялся некоему непостижимому шуму. Казалось, что это были два громовые удара, кои согласились образовать вместе треллер. Все пальцы Листа обменивались по очереди для треллера; непонятно, как может быть подобная сила в пальцах, особенно когда кисть руки вместо того, чтобы лежать горизонтально, была поднята над клавишами. Лист, делая с ужасною силою какой-нибудь пассаж, повторяет оный потом тихо и с ужасною

¹⁷ Возможно, имелось в виду, что тема постоянно должна звучать в левой руке.

¹⁸ Е. В. перепутала; видимо, имеется в виду главный герой оперы «Гугеноты» Рауль де Нанжи.

нежностью, наподобие Блаза¹⁹, представлявшего эхо на кларнете. Я ставил до сего Фильда выше всех фортепианистов. Я говорил самому Листу о пристрастии моем к Фильду, он мне на это отвечал: «Но Фильд был гением, и даже если я дам здесь больше трех концертов, играть я буду ноктюрны Фильда, ничего в них не прибавив и не убавив, ибо эти произведения прекрасны; кроме того, мне известно, как любят его в Москве и сколько здесь у него хороших учеников». Приятно слышать гения, отдающего другому гению должную справедливость и похвалу [9, 74].

А. И. Герцен:

На прошлой неделе слушал несколько раз Листа. Когда столько и столько накричат, ждешь Бог весть чего и часто обманываешься — именно потому, что ожидания сверхъестественны, неисполнимы. Однако истинные таланты не терпят ничего от крика фамы. Такова Тальони, на которую я смотрел иногда сквозь слезы, таков и Лист, которого слушая, иногда наворачивается слеза. Поразительный талант! [5, 109].

Наконец, приведу отзыв об игре Листа М. П. Погодина, человека сдержанного и не причислявшего себя к «меломанам». В своем Дневнике за 1843 год (13 и 16 мая) Погодин записал: «Слушал Листа в Малом театре, и как будто разверзлись уши» (цит. по: [12, 479]).

О последнем концерте Листа в Москве 16 мая Екатерина Владимировна, в силу обстоятельств личного характера, напишет не назавтра, как она это делала обычно, а спустя почти месяц. Ее рассказ выглядит несколько менее взволнованным; скорее, она описывает не столько свои переживания, сколько объективные события. В частности, ею подробно запечатлены все детали знаменитого эпизода с бросанием корзин цветов:

Он начал с превосходной Фантазии на [темы из оперы] «Гугеноты», которую исполнил с огнем и энергией, затем он «пропел» романс Виельгорского и очаровательную цыганскую песню «Ты не поверишь, как ты мила», переложенную Гензельтом, но которую он варьировал в своей манере. <...> Лист был крайне печален, немного раздосадован (я объясню потом, по какой причине), возможно, поэтому играл еще более душевно и меланхолично, чем обычно, хотя это кажется невозможным, ибо он в самом деле [всегда] возбуждает чрезвычайно сильные страсти и чувства. «Грозу» и финал из Пасторальной симфонии Бетховена он сыграл с таким немислимым совершенством, что звучало даже лучше, чем в оркестре; можно было видеть, как молнии извергались из его рук; танец крестьян у него вышел просто и непринужденно. После этой пьесы я заметила особое волнение в первой ложе, где находилась госпожа Сенявина, княгиня Луиза Голицына²⁰, Тришатные; эти дамы переглядывались со значением, с таинственным видом поправляя букеты цветов. Я предположила, что букеты предназначалось бросить Листу. Едва он закончил увертюру к «Вильгельму Теллю», о которой мне совершенно нечего сказать, ибо это было невероятно, как раздались аплодисменты, и тут же полетели букеты; это было красивое зрелище: прекрасные цветы падали к его ногам, на рояль, на кресло, повсюду вокруг него. Подобрал несколько (так как невозможно было унести все букеты, их было не меньше двадцати), он низко поклонился, оставшись в такой позе несколько минут (в это

¹⁹ Арнольд Йозеф Блез (Ваес; 1814–1892; согласно русскоязычным источникам, например, русскому переводу Музыкального словаря Римана — Блас или Блаз) — бельгийский кларнетист, который гастролировал в России (1842, 1843), в том числе в Москве.

²⁰ Луиза Трофимовна Голицына, урожд. Баранова (1810–1887) — супруга князя Михаила Федоровича Голицына.

время не стихал шум аплодисментов в театре). Казалось, он был тронут этой искренней демонстрацией восторга, и затем, объявив еще одну пьесу, сел за рояль с одной розой в бутоньерке и вдохновенно заиграл потрясающее «Приглашение к танцу» Вебера. Это было пленительно, грациозно, восхитительно! И он играл так соблазнительно, каков сам вальс или что-то поэтическое и идеальное в этом роде; это было как мечта, как видение, наконец, это было божественно. Я склонна думать, что познала глубину его мыслей. Большинство публики хотело услышать эту пьесу еще раз, и Лист, кажется, угадал это всеобщее желание. Говорят, что после концерта, когда гасили лампы, он собрал все букеты (Л. 119–120).

Это происшествие есть и в ироничной версии Верстовского:

Восторг московских дилетантов доходил до высшей степени. Нынешний раз цветы летели чуть-чуть не горшками, из всех ярусов, лож, рядов и кресел! Но только странна судьба этой цветочной славы! Сколько я мог заметить, большая часть огромных букетов летела более всего на голову старого генерала Горчакова и, кажется, на Толбузина. Я думаю, что во все их походы над их головами не летело столько пуха и не бросали им столько лавров, сколько в концерте Листа досталось им резеды и розанов. Листу беспрестанно кланялись, и они вертели на стульях, охраняя себя от перепалки дамской признательности [7, 85].

В московских гастролях Лист выступил не только как пианист, но и как органист, дав концерт 4 мая в Лютеранской церкви Св. Петра и Павла. Устройство этого концерта вызвало недовольство Верстовского, по должности соблюдавшего финансовые интересы Дирекции императорских театров и ревниво следившего за феноменальными успехами листовских выступлений: «Не далее как во вторник какое-то филармоническое общество в лютеранской кирхе, никого не спросив, давало вечерний концерт, в котором хотя и не покупали билетов, но при входе продавали программы некоторых кантов по 10 руб. за экземпляр, без чего, однако, никого не впускали и на этом Листу собрали более 13 тыс. руб. сер[ебром]» [там же, 83]. Концерт в Лютеранской церкви 4 мая был единственным из всех, который оставил Филатьеву почти равнодушной, несмотря на то что многие вокруг восхищались Листом как органистом. Скорее всего, она просто не привыкла к звучанию органа:

Он исполнил одну фугу Баха и другую — Генделя, грандиозной трудности, два Анданте Бетховена и хорал из «Гугенотов», который мне больше нравится в фортепианном варианте. Звучало средне, неужели это сам Лист сделал переложение? (Л. 100).

С другой стороны, не в восторге была не одна она — в частности, А. Я. Булгаков пишет об этом концерте весьма скептически:

Подвиг был похвальный, но концерт весьма плохой. Органы не фортепианы, и посредственный старый органист лучше на них играет, нежели первый гений своего века Лист. Это видели мы сегодня. Лист извлекал тоны в баса, кои до того были смешны, что нельзя было не смеяться. Голоса 22[-х] аматёров, кои пели церковную музыку, были весьма незначущи. Москвичи, кои так легко от одного чувства переходят к другому, совершенно противоположному, начали осыпать Листа разными насмешками [9, 75].

17 мая, в предпоследний день своего пребывания в Москве, Лист давал прощальное суаре на даче Потемкиных в Петровском. Филатьева не была там, она описывает происходящее со слов своей приятельницы Марии Тришатной²¹:

²¹ Дочь Александра Львовича Тришатного (1785–1852) — генерал-лейтенанта, героя войны 1812 года, чье имя есть на стене храма Христа Спасителя.

Лист играл вальсы, под которые все танцевали, он говорил, что весьма тронут и польщен тем энтузиазмом, который проявили жители города. «Я хочу говорить, чтобы объяснить свои чувства, — сказал он, — но я слишком взволнован, слова мне отказывают, поэтому я сяду за рояль; мое сердце переполнено признательностью, и я чувствую, что буду играть с вдохновением». Эти дамы оставались там до самого конца, и когда ушли все приглашенные, он сыграл еще раз пьесу Вебера. Остаток ночи Лист провел у Потемкина, и назавтра утром его экипаж отправился в Петербург. Несколько молодых людей проводили его до первой станции, там они вместе позавтракали и расстались. Лист был в хорошем расположении духа и развлекался обычным своим мотовством; он дал кучерам по 10 рублей каждому. Некоторые видели, как он бросал серебро полными горстями. Ему говорили: остановитесь, достаточно, если Вы продолжите в том же духе, у Вас в карманах ничего не останется. — «Что вы хотите, это доставляет мне удовольствие!» — отвечал он, опорожня свой кошелек (Л. 120).

Вообще тема расточительности и в то же время благотворительности Листа нашла в сердцах светского общества должный отклик. Пересказывались его прошлые славные дела, обсуждались нынешние. Филатьева справедливо говорит о том, что большие гонорары артистов такого уровня — не прихоть, а необходимость:

Он щедро отсыпает бедным. Говорят, что он не соглашается играть за сумму меньше чем 400 рублей. Но вместе с тем он уже он уже дал 10 тысяч рублей одному бедному семейству. По утрам его прихожая наполнена просителями, чтобы разобраться с ними, ему нужна помощь секретаря (Л. 100).

Что касается его добросердечия, оно действительно уникально. Он дал вдове музыканта Гебеля²², который умер в бедности, 10 тысяч рублей, — сумму, которая сделала бы честь великодушию богача. Мне показывали камеристку Анну, которая пришла к нему с умоляющим письмом от одной бедной женщины, он ей ответил, пригласив прийти вскоре самолично, и когда она явилась, он дал ей 60 рублей. Таким образом он раздал за утро 400 рублей. Также он оставил в людях чувство любви и признательности, все ждут его возвращения, которое состоит, как предполагают, через четыре года. Он пригласил Чиабатту компаньоном в путешествие и рассчитывает давать концерты в каждом городе; близкие ему люди ни в чем не нуждаются. «Это замечательно, — говорит он, — что Беллони²³ всю дорогу меня обкрадывает, но я не смог бы без него существовать». Его последний концерт принес ему прибыль. Листа упрекают в расточительстве, но об этом даже не стоит и говорить: он отдает двумя руками то, что зарабатывает этими самыми двумя руками. Однажды несколько человек стали обсуждать необыкновенное везение и огромные гонорары Паганини и других артистов. Ждали, когда он выскажет свое мнение, и он его объявил. «Я полагаю, — сказал он, — что эта сигара предназначена для того, чтобы быть выкуренной, как серебро для того, чтобы его потратить»²⁴. Вот почему он великолепен, благодетельствуя бедным и путешествуя поистине как английский лорд (Л. 101).

²² Франц Ксавер Гебель (1787–1843) — ученик аббата Фоглера и Альбрехтсбергера; в 1817 году переселился в Москву, где приобрел известность в качестве учителя музыки. Кроме того, Гебель устраивал в Москве вечера камерной музыки, а также продолжал заниматься композиторской деятельностью.

²³ Гаэтано Беллони, секретарь и администратор Листа с 1841 года, о котором тот неизменно отзывался исключительно хорошо.

²⁴ Разговор шел о скупости Паганини, его жадности к деньгам. Булгаков передает эту беседу так: «Что такое, в сущности, деньги? То же, что и сигара, — сказал Лист, подняв кверху сигару, которую держал в руке. — Сигара сделана для того, чтобы ее курили, а деньги существуют для

«Лист живет всюду роскошно. Здесь остановился он в гостинице «Дрезден»²⁵ и платит по 800 руб. в день», — пишет Булгаков в первые дни листовского пребывания [9, 75]. Но вскоре, узнав ситуацию лучше, добавляет: «Весьма утешительно видеть, когда к дарованию гениальному присовокупляется еще душевная доброта. Ни один артист не давал еще толиких доказательств порывов щедрости, сей добродетели, которой великому артисту позволено быть чужду по воспитанию его, привычкам и по самому свойству бытия его; конечно, ни один артист не может быть уподоблен в сем отношении Листу. Он всюду ссыпает обеими руками то, что обеими руками наживает. <...> Благородные сии чувства выказываются беспрестанно в разговорах Листа, но скромно, без всякого чванства» [там же].

Кроме прямого отчисления денег нуждающимся Лист участвовал в нескольких концертах в пользу других артистов. Одним из них был бенефис Ф. П. Усачева 30 апреля. Вот как Верстовский описывал этот спектакль: «Бенефис Усачева сошел удачно. Бенефицианту досталось около 2 тысяч р., которые он никогда не имел и не ожидал, на долю же Дирекции 521 р. с копейками, и то лишь потому, что не успели достаточно объявить и погода была прескверная» [7, 81–82]. Другие концерты Лист дал в пользу певцов Чиабатты в Купеческом клубе 6 мая и братьев Грациани 8 мая. Однако при этом Лист проявил такт и чуткость по отношению к своим гораздо менее знаменитым коллегам, не давая им понять, что своими успехами они обязаны именно ему. Филатьева пишет:

Он аккомпанировал две арии Чиабатте [в концерте 16 мая], что было восхитительно во всех отношениях. Сыграв в концерте последнего, Лист пригласил его и в свой концерт; выручив для Чиабатты много денег, Лист не захотел, чтобы Чиабатта подумал, будто обязан заработком именно ему, поэтому пригласил певца в свой концерт (Л. 119).

Москвичи воспринимали Листа не только как музыканта, но и как модного персонажа. Его приглашали на всевозможные суаре, журне, рауты. Присутствующие спрашивали его мнения по самым разным вопросам, причем все время по одним и тем же. Известно, как донимали великого музыканта эти пустые разговоры. Их фиксирует и дневник Екатерины Владимировны. Некоторую долю ее записей составляют беседы, которые она слышала своими ушами, другую, большую — рассказы приятельниц и слухи, носившиеся в великосветском обществе. Но, полагаю, следует принять и их как неизбежный компонент той легенды о Листе, которая создавалась в те дни в Москве и составляла неотъемлемую часть его уже практически обожествленного образа. Тем более что за слухами часто скрывались реальные факты...

Будучи светским человеком, Лист старался на все вопросы, даже самые бессмысленные, отвечать остроумно, изящно, порой не упуская повода весьма рискованно пошутить:

Есть поразительно глупые персоны, — удивляется Филатьева, — одна дама спросила Листа: завидуете ли вы Тальбергу? «Нет, мадам, — ответил он ей, — я ему не завидую, разве только его хорошему здоровью, ибо мое оставляет желать лучшего» (Л. 111).

того, чтобы их тратили» [9, 74].

²⁵ Гостиница «Дрезден» стояла на месте нынешнего дома №28 по Тверской (от него сохранился первый этаж ресторана «Арагви»), считалась весьма фешенебельной. В ней останавливались А. С. Пушкин, И. С. Тургенев, а также, через год после Листа, Роберт и Клара Шуман.

Еще говорят, что госпожа Ховрина расплакалась, когда Лист играл фантазию на «Дон Жуана». «Ах, — воскликнул он, — это напомнило мне один старинный случай: давали “Эдипа” в Париже, и как только поднялся занавес, [некий] старый господин пустился в слезы. Его сосед удивленно спросил, почему тот плачет, ведь пьеса еще не началась. “Открывающийся пейзаж так живо напомнил мне то место, где меня обокрали”, — отвечал он с самым жалким видом. Так вот, я склонен думать, что госпожу Ховрину обокрали в тот день, когда я играл “Дон-Жуана”». Сказано довольно зло; несмотря на несомненную доброту его сердца, он иногда бывает едким, по крайней мере, когда считает это нужным. Госпожа Павлова заметила: «Знаете, господин Лист, у Вас всегда такой вид, будто Вы насмешничаете и Вам на все наплевать?» — «В самом деле, мадам? И что я должен сделать, чтобы иметь более чистосердечный вид?» — И он стал ерошить волосы в разные стороны. — «Как Вы думаете, так я выгляжу невиннее? Я ненавижу скромников, они напоминают сунну²⁶» (Л. 125).

Рассказывая об обеде у Жерве 5 мая, на котором она присутствовала лично, Филатьева утверждает, что передает подлинную манеру разговора Листа. Несмотря на внешнее впечатление пустой болтовни, это ценные свидетельства, добавляющие меткие черты в облик Листа-человека:

Я не упустила ни слова из того, что он сказал; он чрезвычайно приветлив, он разбирается в искусстве, литературе и рассказывал анекдоты абсолютно естественно, производя очаровательное впечатление. Перед тем, как начать рассказ, он немного молчал, и все взгляды устремлялись на него, впитывая каждое слово. Я помещаю здесь наиболее интересные рассказы, сохраняя, насколько возможно, его манеру выражаться. «Находясь в Милане, я часто посещал мадам Паста на ее вилле близ озера Комо. Однажды вечером, во время чаепития, я сел за фортепиано и стал играть, как всегда, чтобы развлечься, несколько мелких пьес. В углу сидел один пожилой господин, но я не обращал на него внимания, варьируя некоторые арии, которые пела мадам Паста, затем я сыграл “Rule Britannia” и на том закончил. Пожилой господин оставил свое место, поспешил ко мне и, наклонившись, внезапно вынул из кармана соверен — приблизительно двадцать пять рублей на ваши деньги — и вручил мне. Я был смущен и раздосадован, я не знал, принимать мне деньги или нет, а потом подумал: зачем огорчать бедного старика и своим отказом охлаждать его пыл, и я принял соверен, который потом отдал primero же попрошайке, встреченному на улице. А тогда я ответил старику, что сохраню и вставлю в рамку это превосходное проявление энтузиазма». «Рассказывают много оригинальных английских анекдотов, на пятьдесят тысяч нет и сорока вновь придуманных, и я не придумал новых, но знаю [из жизни] множество [характерных] черт, которые превзойдут анекдоты. Однажды я оказался у одной дамы в тесном кругу, нас было четыре-пять человек, среди которых англичанин. Он попросил меня немного помузицировать, я сыграл баркаролу из “Немой из Портичи”; не успел я закончить, как англичанин мне сказал: ах, это восхитительно, не могли бы Вы сыграть еще раз? Не чинясь, я повторил пьесу. — “Это превосходно, — сказал он, не будете ли Вы так добры сыграть еще раз?” Это начало меня удивлять, но я доставил ему это удовольствие. После чего он воскликнул в экстазе: “Ах, это еще лучше, чем ростбиф!” Я не ожидал такого сравнения, дамы задыхались от смеха, и я не нашел что ответить, но потом, когда мы встретились вновь, вдоволь потешались над этим англичанином. Они очень странные, эти англичане, сожалею, но я их не люблю». Его спросили, любит ли он Париж, и он ответил: «Да, это очень удобный город, единственное, о чем

²⁶ Сунна (араб. ас-сунна) — в первоначальном смысле означает «обычай, пример, путь, направление (по которому следует идти)». Под этим понятием подразумевается жизненный путь пророка Мухаммеда как пример для всех мусульман.

в нем надо беспокоиться — это о вечере. К Германии я привязан гораздо больше, ибо она поистине музыкальна». Говорили о Гайдне, о Бетховене, et cetera. «Гайдн был приятелем моего отца, — сказал он по-дружески, — что касается Бетховена, то я очень хорошо запомнил его лицо, бледное, изможденное, в обрамлении длинных седых волос, он слушал как я играл, когда мне было 10 лет». «И несмотря на скромность этих [Ваших] слов, — вмешался Уваров²⁷, — он [Бетховен] живо выразил приятную для него неожиданность и восхищение, указывая на Ваш безграничный талант. Господин Лист доказал, что в столь нежном возрасте он не был дрессированной собачкой». «О да, — снова вернул нить беседы Лист, — мне приходилось работать не только руками, но и головой, к счастью или к несчастью, я сильно заболел, болезнь длилась 3 или 4 года, я не мог ни думать, ни действовать, вообще не был ни на что способен. Невозможно было сделать заключение о причинах моей болезни, говорили о несчастной страсти; правда, что я испытывал определенные чувства, как обычно, но они не были серьезными». <...> Спросили его, знает ли он несколько русских слов. «Нет, не знаю, кроме одного, которое не решусь произнести, это княгиня меня так дурно воспитала». Мы все были убеждены, что это слово «люблю» или что-нибудь в этом роде. «Я много чего слышал за свою жизнь, — произнес он, говоря о музыке, — как вопят, пиликают, барабанят, кричат, свистят — все я перенес. Но вместе с тем я слышал всех музыкальных знаменитостей, за исключением Сивори²⁸, о чем сильно сожалею; я играл в его концерте, когда мне было 10 лет, и у меня не осталось даже воспоминаний; он совершенный талант, и, как говорят, очень мил» (Л. 101–102 об).

Разговоры в гостиных порой затрагивали артистические устремления Листа. Филатьева отмечает необычайную скромность его как исполнителя и еще более — как композитора, и в то же время его тяготение именно к композиции:

<...> ему сказали, что ему, с таким большим талантом, должно быть, нелегко слушать посредственную музыку. «Но я не претендую на то, чтобы им слыть: есть гораздо более сильные таланты». Затем, говоря об этюдах Шопена, Лист настаивал, что они очень трудны и что он всегда рискует, играя их публично.

«Я знаю, в чем мне часто отказывают, — говорит он, — в таланте композитора, но я еще молод, и если через четыре года я не достигну желаемого, считайте, что я умер. Все, что я могу сказать и что я понимаю, это музыка, именно это меня занимает, именно в этом направлении я развиваюсь, и ничто не может удержать меня. Когда мне говорят [только] о моем исполнении, это однобоко, потому что я не механизм; если мне суждено быть наказанным, то пусть это коснется лучше моих пальцев, но не души, музыкального чувства, которое я познаю».

Его спросили, кто первый пианист Европы. — «Европа говорит, что это Лист. Лист говорит, что это Шопен». Однажды ему сказали: «Обычно Вы играете как ангел, но последние два раза Вы играли как Бог». «Да, — ответил он, — я обычно бываю недоволен, но в эти два раза я был удовлетворен своей маленькой персоной» (Л. 104–105 об.).

Потребность Листа в импровизации, спонтанность его мышления раскрывает следующий эпизод, пересказанный Филатьевой со слов князя Юрия Павловича Гагарина²⁹, хорошо знавшего музыканта:

²⁷ Граф Сергей Семенович Уваров (1786–1855) — министр народного просвещения и президент Академии наук.

²⁸ Эрнесто Камилло Сивори (1815–1894) — знаменитый скрипач-виртуоз, родом из Генуи, ученик Паганини. Мальчиком Сивори давал концерты в Париже, о чем и вспоминает Лист.

²⁹ Князь Юрий Павлович Гагарин (1811–1856) — сын Павла Павловича Гагарина, крупного государственного чиновника, сенатора.

Часто в большинстве таких бесед он неожиданно принимает вдохновенный вид и говорит: «Прочитайте мне несколько стихов, быстро, быстро!», — и сам начинает импровизировать. Однажды в подобном случае дивного воодушевления он прочитал следующие строки Виктора Гюго: «Je t'aime femme! je te adore, ange!». Вдохновленный ими, он импровизировал так пылко и страстно, что аудитория даже прослезилась (Л. 105).

Постоянной темой разговоров в свете стала тема «Лист и цыгане», поскольку она была неотъемлемой частью его имиджа. Об отношении Листа к цыганской музыке подробно рассказывается в монографии Мильштейна. В Москве его интерес был вполне удовлетворен, поскольку цыганское пение приобрело в то время среди москвичей небывалую популярность. Цыганским искусством были увлечены практически все социальные круги: и светская молодежь, и купечество, но особенно литературная и артистическая среда. Герцен записывает в дневнике: «Вчера дикий концерт цыган. Для Листа это было ново, и он увлекся. Музыка цыган, их пение не есть просто пение, а драма, в которой солист увлекает хор — безгранично и буйно. Понять легко, почему на вакханалиях цыгане делают такой эффект» [5, 109]. Ему вторит Арсеньев: «Для Листа ночи, проводимые у цыган, были, как он выражался, “les tournements et le repos d'âme” [выражение можно приблизительно перевести как «кружения и отдых души». — Е. Ш.], и он приходил в восхищение от симпатичного пения Мани и бешеных танцев Ильи под аккомпанемент хора и гитар. Он удивлялся также старухе Настасье, которая выделяла языком в своем рту такую эквилибристику, что звуки ее голоса казались какой-то барабанной трелью. У цыган бросалось много денег, но никогда не происходило никаких безобразий, никаких эротических сцен. Лист всегда со вниманием прислушивался к характеру цыганских песен и нередко импровизировал романсы на цыганские мотивы — романсы, которые, увы! никогда не появлялись в свете и исчезали навеки с последним звуком финального аккорда» [1, 108]. Сам Лист упомянул свой московский визит к цыганам в своей книге о цыганской музыке.

Филатьева, с одной стороны, также свидетельствует об интересе Листа к цыганскому пению, или, по крайней мере, о покровительстве, которое он оказывал цыганским музыкантам:

В пятницу он имел любезность играть в бенефисе одного бедного актера³⁰. В тот вечер он посетил сначала концерт цыган (за билет на который отдал триста рублей), и поскольку заставил публику ждать, чтобы исправить эту оплошность, Лист стал импровизировать на тему «Ты не поверишь, как ты мила», модулируя и варьируя эту тему целый час (Л. 100).

В то же время в разговоре на обеде у Жерве 5 мая Лист решительно открещивается от мнения о нем как об энтузиасте цыганского пения:

Говорили о песнях цыган. «Это скорее крик, чем пение, — сказал он, — хоры прекрасны, но дело не в голосах. Я достаточно насладился ими после моего второго концерта в Большом театре, они приходили ко мне петь. Почему мне приписывают особенный восторг от цыган, я не знаю, из этого делают весьма своеобразные выводы, но мне, в конце концов, все равно». Непостижимо, что этот человек [вынужден] говорить такое: действительно, злые языки судачат о том, что цыгане и цыганки проводят с ним целые вечера; и его слова неопровержимо доказывают, как его хулители неправы, и что это — отвратительная клевета.

³⁰ Имеется в виду бенефис Ф. П. Усачева 30 апреля.

Гений всегда выше клеветников, которые селятся напасть на талант, которым все восхищаются, опорочив его репутацию (Л. 102).

Следующая запись из дневника Булгакова отчасти объясняет высказывание Листа: при всем его интересе к цыганской *музыке* ему приходилось считаться с отношением к цыганским *артистам* чопорной аристократии.

Лист пригласил к себе на вечер петь цыган. Он от них в восхищении, но я сказал ему самому откровенно, что восхищения его не разделяю. Надобно начать с того, что у них нет ни одного чистого голоса, и что все поют в нос. Конечно, можно один раз послушать их странное, бешеное и согласное пенье... Один раз! Но есть люди, кои в состоянии слушать их всякий день. Кто приезжает в Москву, должен цыган послушать. Москва, может быть, единственный город в мире, где таковой хор существует. Цыгане изменяют и пенье национальное, и одежду. Они столь же нелепы, когда позволяют себе итальянское или русское нежное пенье, сколь смешны, приноравливая все французские моды к одежде своей. Цыгане обманывают лошадами, а цыганки всем на свете. Она, говоря с вами, все готова у вас выманить, от бумажника до зубочистки! Многие наши молодые люди разорились на сих восточных красавиц! — сетует Булгаков [9, 75].

Замечу, что в поведении Листа, видимо, играл роль фактор принятого тогда этикета: в окружении молодых дворян даже приветствовалась экстравагантность и приверженность цыганской вольнице; в среде же почтенных господ и тем более дам, собравшихся на обед у Жерве, она была непозволительна. Листу, который в 1843 году уже находился в зрелом по тем временам возрасте, видимо, надоело постоянное муссирование этой темы и перенос цыганских поведенческих стереотипов на его образ жизни, и поэтому он поспешил предстать «остепенившимся», хотя бы на словах. Кстати, в свои неполные 32 года он нередко жаловался на здоровье, чем сильно огорчал женскую половину своих почитателей:

Говорят, он крайне чувствителен, по крайней мере, так кажется, и предчувствует, что ему осталось жить не более двух лет, — пишет Филатьева. — Это ужасно, приводит в отчаяние, я буду молиться за его выздоровление (Л. 109 об.).

По-видимому, это было своего рода кокетство человека, вполне понимавшего силу своего мужского обаяния. Об этом очень точно пишет Екатерина Владимировна:

Находят, что он крайне кокетлив; когда нужно, он использует манеры хорошенькой женщины, модной и элегантной. В конечном итоге он не фат, только знает в совершенстве силу своих глаз; после разговоров и живой жестикуляции он неожиданно бросает такой нежный взгляд... (Л. 103).

Немудрено поэтому, что явление Листа в Москве вызвало к жизни комичную конкуренцию среди великосветских барышень, тайно и явно влюбленных в своего кумира и кичащихся друг перед другом тем, какие реликвии (в виде портретов) они имеют или сколько раз они увидели «звезду». Не чужда тщеславия оказалась и наша героиня, ревновавшая к вниманию Листа свою кузину Наташу. Поводами стали *не* раздобытые билеты на некоторые концерты и *не* приглашение ее на вечер в честь Листа, который устраивал дядя Екатерины Владимировны — Жерве. Мотивировка родственников (Лист, устав от огромного количества зевак, просил, чтобы в доме были только свои³¹) не устроила девушку, и она все-

³¹ Такое условие было в обыкновении Листа, ср., например следующий отрывок из дневника А. Я. Булгакова, который рассказывает о договоренности Листа с его дочерью Ольгой Александровной Долгоруковой, урожд. Булгаковой: «Ежели позволите, я ужю вечером буду

рьез обиделась. Все в конечном итоге уладилось, более того: Екатерина Владимировна удостоилась ухаживаний Листа за столом, учливой улыбки и приятного комплимента после обеда, но забавно, что тогдашняя молодежь воспринимала Листа почти так же, как нынешнее юное поколение относится к поп-идолам или звездам футбола³². Более серьезную распрю вызвала фигура Листа среди взрослых дам — известных светских львиц. Мы далеки от представления Листа таким Казановой, хотя Арсеньев утверждает, что «московские дамы с ума сходили от любви к Листу, и он оставил о себе в Первопрестольной очень много серьезных следов своего там пребывания. Уезжая из Москвы, он увез даже с собой одну красавицу, покинувшую для него своего мужа и семейство» [1, 158]. Пересуды в свете вызвало поведение Варвары Павловны, урожденной Гагариной³³, которая проводила с Листом довольно много времени. Помимо Сонцевой на роль дамы сердца Листа претендовала мадам Сенявина³⁴, и их соперничество стало притчей во языцех московского бомонда. Кульминация наступила во время концерта 12 мая. Каждая из дам старалась в буквальном смысле слова быть ближе к своему кумиру.

Верстовский — Гедеонову:

Московские боярыни и барыни под предводительством Сенявиной и других, под знаменем львиц, сделали на меня утреннее нападение, от которого я насилу отвертелся. И письмами и изустными посольствами через полицию, принудили поставить им тридцать или сорок кресел на сцене. Такая небывалая и, по мнению моему, смешная выдумка заставила меня, сколько можно, убеждать их, что поставить кресла на сцене, когда оставались еще места в 1-м ряду и в амфитеатре, я не вижу надобности, да и не знаю, как изволит Ваше Превосходительство принять это нововведение, которое сопряжено еще с тем риском, за который поручиться нельзя, что при появлении из-за кулис какой-нибудь из дам, в зале или в райке могут захлопать. Резоны не помогли! Дамы приступом шли на батарею. Разъяренная ватага щетинилась и жаловалась Его Светлости

у вас играть. Разумеется, что общество составлено будет токмо из вашего семейства». — «Никого не будет, — отвечала Ольга, — кроме домашних и отца моего» [9, 73].

³² О листомании как прообразе массовой культуры XX века существует множество исследований (см., например, [24, 201–262; 25]).

³³ Варвара Павловна Сонцева (Солнцева, Сонцова), сестра студенческого приятеля Лермонтова Валериана Гагарина, была известной в московском свете кокеткой. Существует фривольное стихотворение Лермонтова под названием «Графине Варваре Павловне Гагариной (потом замужем за Солнцевым)»:

Львица модная, младая,
 Честь паркета и ковра,
 Что ты мчишься, удалая?
 И тебе придет пора.
 На балах ты величава.
 круглой и вертлявой
 Своенравно не вилай
 И меня не раздражай.
 Погоди! Тебя заставлю
 Я смириться предо мной
 <...> (цит. по: [2]).

³⁴ Сенявина Александра Васильевна, урожд. голландская баронесса Гоггер — супруга тогдашнего московского гражданского губернатора И. Г. Сенявина. Держательница светского салона. Его посещали и приезжавшие в Москву год спустя супруги Шуман.

[генерал-губернатору Д. В. Голицыну], который этому посмеялся и, вероятно, изустно передаст Вашему Превосходительству [7, 83–84].

Филатьева:

В театре случилась одна комедия, актрисами в которой стали светские львицы. Мадам Сонцева, которая кокетничала с Листом, старалась обратить его внимание на нелепости мадам Сенявиной, а та, со своей стороны, не переставала твердить: эта мадам Сонцева — маленькая кокетка, которая старается пленить первого встречного. И так, между двумя соперницами было брошено яблоко раздора. Вчера ни одной из львиц не удалось попасть в первую ложу; каждая рисовалась перед Листом в выигрышном виде, а он не даровал им свое внимание. Опытные львицы находились друг напротив друга во второй ложе, каждая прекрасна как обычно. В ложе со стороны княгини Гагариной был виден вызов, как будто она говорила: «Вы повсюду прекрасно приняты, Вы сюда прибыли именно из-за моей дочери, она так же молода и прекрасна, как и Вы». И вдруг такой удар! В перерыве Лист, невинно беседуя с тетужкой [ее] ненавистной соперницы, вошел в ложу госпожи Сенявиной и разговаривал с ней десять минут. Поверженная соперница приняла надутый и раздосадованный, а ее мать — разъяренный вид. О вероломство, о предательство, — настраивала женщина сорока лет свою дочь: это невиданно! Это был удар, катастрофа! Все лорнеты были направлены на мать, на дочь и на торжествующую соперницу, которая имела такой триумфальный вид, как будто бы она победила по меньшей мере флот вражеского государства. Это было очень смешно. Сейчас говорят, что она одержала еще одну победу: сегодня утром отправилась к иностранцу (Л. 109 об. — 110).

Еще одной сплетней, связанной с персоной госпожи Сонцевой, стала история с семейством Долгоруковых. Она состоит из двух частей, в первой из которых Лист выступает как благонравный филантроп, во второй же — чуть ли не как бретер. Начиналось все мирно, с посещения старого князя Долгорукова³⁵:

Однажды он [Лист] получил мучительное письмо от старого князя Долгорукова, который просил о милости посетить его. «Мне шестьдесят лет, — писал князь, — я болен, почти умираю, и все, о чем прошу — увидеть Вас, мгновение, которое Вы подарите мне, осчастливит меня». В конце письма стоял адрес — один из отдаленных уголков города! «Невероятно, что Вы согласитесь, — писал он в конце, — но, если я не впаду в смертельную агонию, я не перестану надеяться». На следующий день он ему прислал второе по этому же делу письмо и затем еще третье. Наконец неутомимые мольбы старика достигли цели, Лист решил поехать к нему ненадолго и сыграть одну пьесу, но прибыв и познакомившись с больным, сыграл еще несколько пьес и провел у старого князя пять часов!» (Л. 101).

Однако далее Листом невольно были затронуты сердечные привязанности его давнего приятеля, другого Долгорукова — Александра Сергеевича, родственника старого князя и мужа Ольги Булгаковой:

³⁵ Скорее всего, речь идет о князе Павле Ивановиче Долгорукове (1787–1845), действительном тайном советнике, сыне знаменитого писателя и театрала Ивана Михайловича Долгорукова. Павел Иванович был музыкантом-любителем и даже сочинял для фортепиано, поэтому немудрено, что ему так хотелось послушать Листа. Помимо него в это время в Москве проживал еще близкий к описываемому Филатьевой возрасту Владимир Иванович Долгоруков (1778–1845), который некоторое время был главным редактором «Московских новостей», и есть некоторая вероятность, что Лист был в гостях у него. Правда, оба предполагаемых персонажа жили в центре города: первый из них — на Воздвиженке, второй — на Спиридоньевской улице, так что, думается, отдаленность места жительства выдумана для красного словца.

К сожалению, несмотря на то что у князя чудесная жена, он смертельно влюбился в госпожу Сонцеву, которая была к нему благосклонна, пока не появился Лист. В одночасье все кончилось для бедного князя, она смотрела только на гениального человека так мечтательно и меланхолично, как все, кто всерьез занят мыслями о ком-то. По этой причине оставленный бездыхатель разозлился и по дурости не стал этого скрывать. Каждое мгновение он демонстрировал досаду, показывая портрет дамы своего сердца, он с гневом мял его и прикуривал от него сигару, придумал идиотский каламбур со словом «солист»³⁶, и когда ему предложили прийти на обед в честь Листа, он отказался, говоря, что не разделяет всеобщего увлечения и не хочет войны. Всё это пересказали Листу, который обиделся и на обеде объяснил свое недовольство несколько дерзко: «Как, он не хочет меня знать, он меня не признает, меня, который был с ним знаком еще в Париже! Но что же это за нарекания на меня, которые, думается, абсолютно несправедливы и которые меня так мало задевают?». Павлов ему объяснил, что это ревность, потому что Лист победил в борьбе за благосклонность одной дамы и перебежал князю дорогу. «Я не думаю, что этот молодец никогда сам никому не перебежал дороги, он глуп как пробка, он просто дурак; я уничтожу его, как уничтожу этот стакан». И правда, он бросил стакан, который держал в руке. Эти злые высказывания разъяренного Листа свидетели его вспышки, такие как князь Юрий Гагарин и компания, донесли князю. Все шло к дуэли, но [приятели] «встали на вахту», чтобы этого не допустить. Долгоруков написал письмо Листу, в котором уверил, что никогда не говорил ничего плохого на его счет, и что все придумано; если Лист дезавуирует свои слова, он отречется от своих, и что он просит сделать вид, будто между ними ничего не было, и тогда вопрос разрешится. Затем собрались у Долгорукова, чтобы примирить двух соперников. Лист, живой по натуре, сказал переговорщикам: «Господа, теперь, когда все улажено, я прошу вас сделать так, чтобы об этом больше не судачили. Многие отдали бы все сокровища мира, чтобы посмотреть на письмо с извинениями глупого русского князя, но я его не отдам и сохранию. Досадно, что эта история случилась так или иначе». <...> Госпожа Сонцева и ее семья сыграли злую роль в этой истории, однако Лист первым говорит: «Она просто маленькая глупышка». Вся Москва восстала против этой ужасной семейки, их ругают, разносят в пух и прах, начиная с маменьки (Л. 120–120 об.).

Самой сенсационной сплетней о Листе стало известие, что его напоследок... обыграли более чем на 15 тыс. рублей его же обожатели: «адорлисты и аматёры», «предположительно Алексей Голицын или Васильев, или оба вместе». Об этом Верстовский сообщает Гедеонову как о слухе и заключает язвительно: «Наслушались его и как водится с честью проводили» [7, 85].

Чествований Листа во время пребывания в Москве действительно было много. Кроме частных вечеринок, праздник в его честь состоялся, например, в Немецком клубе 9 мая; Филатьева с огорчением сообщает, что из-за этого он не смог прийти, как обещал, к Жерве. Может быть, по этой причине тон ее дальнейшего рассказа об обеде в Немецком клубе становится язвительным: «На речи, которые произносили в его честь, он ответил прекрасным выступлением о развитии искусств. Купцы настойчиво приглашали его посетить свои фабрики — вот уж действительно царское предложение!» (Л. 107 об.).

³⁶ По утверждению А. Я. Булгакова, автором этого каламбура — «C'était le grand Liszt, ce soir c'est un soliste (sot Liszt)», — основанного на созвучии французских слов *soliste* и *sot Liszt* («глупый Лист»), рожденного по случаю органного концерта 4 мая, был Лев Григорьевич Голицын (1804–1871) — писатель, композитор-любитель.

Знаменательным фактом признания Листа московскими слушателями стал знаменитый обед в его честь, данный литераторами у Павловых. Его описание широко известно из статей в «Москвитянине» [19; 23]; краткое резюме речей присутствовавших и воспоминаний Боткина и Герцена об этом событии дано в монографии Мильштейна [12, 103–104, 480]. Интересные подробности, подтверждающие и дополняющие общеизвестные факты, содержатся в дневнике Филатьевой. Приведем соответствующий отрывок с необходимыми комментариями:

Праздник, данный в честь Листа, чрезвычайно удался, обед был великолепен, зала украшена цветами и кустами — похоже, только что срезанными; оркестр Теплова исполнил симфонии; стол был уставлен красивыми вазами из хрустала, наполненными цветами и фруктами; все было красиво и блестяще. На обед было подписано 40 человек, которые сдавали по 60 рублей, несколько артистов были приняты бесплатно³⁷. Собравшиеся особенно льстиво говорили о короле праздника, среди тех, кто оказывал ему почести, были не только юные ветреники, но и власти города — губернатор, генералы, несколько сенаторов, а также поэты и литераторы, наконец, все высокопоставленные и известные в городе люди. Когда принесли шампанское, господин Павлов встал и произнес речь в форме элегантно комплимента Листу³⁸, на которую тот ответил в очаровательной манере следующими словами: «Мое сердце, моя голова и мои руки в вашем распоряжении»³⁹.

Затем господин Шевырев произнес еще более длинную и еще более ученую речь⁴⁰, на которую Лист также ответил восхитительно элегантно. Как принято в Англии, в том числе в Лондоне, выступления прерывались громкими

³⁷ Роскошь обстановки подтверждает и фраза из письма В. П. Боткина к А. А. Краевскому от 20 мая 1843 года: «Москва, впрочем, поддержала свою репутацию: на обеде была подана стерлядь такая большая, что все угощающие изъявили приятное удивление»; цит. по: [12, 480].

³⁸ «От имени собравшихся здесь гостей, — так начал свою речь Павлов, — от имени всех артистов, всех тех, кто Вас окружает и чьи благородные сердца всегда воздать должное невестивенной власти искусства, я провозглашаю этот тост, Франц Лист! Пусть Вы сохраните воспоминание об этой интимной благодарности, выраженной Вам в глубине России, в нашей старой, патриархальной Москве, на географической карте она далеко отстоит от тех мест, которые привыкли считать центрами цивилизации, но она не более чужда, чем они, чувству прекрасного. Она, может, более правдива в своих симпатиях, более искренна в своем восторге! За Вас, господин Лист, за величие Вашего искусства, за могущество Вашей музыки, превышающее человеческое слово, так как слово может быть ограничено одной какой-нибудь страной; язык, на котором Вы говорите, мы могли не понять, но Вашу музыку поняли. Она будет понятна во всех местах земного шара, она овладеет всеми, она проникнет во все сердца» [19, 324].

³⁹ В «Москвитянине» приводятся следующие слова Листа: «Я прошу вас сесть, господа; это я должен стоять. Позвольте мне, прежде чем выпить этот стакан, ответить вам несколько слов. Вы обратились ко мне с тостом от имени гостей, литераторов и артистов. Как гость я уже проявил себя; как литератор я не имею совершенно никакого значения, за исключением нескольких пустяков, как артист я, может быть, имею добрую волю; может быть, в этой воле заключается какое-то честолюбие. Человек, не знающий честолюбия, по-моему, лишь наполовину человек. Я оказываюсь еще очень молодым в вашем старом городе, как вы говорите, который, с вечной силой, заключающейся в нем, так благосклонно принял меня. Я не могу выразить сейчас все, что я чувствую, но верьте, что для доказательства моей благодарности все, что зависит от меня, при помощи сердца, при помощи рук, при помощи головы, — я сделаю» [19, 324].

⁴⁰ Речь Шевырева, которую можно представить себе по его статье в «Москвитянине» [23], действительно, была излишне пространной и цветистой; В. П. Боткин в уже цитированном письме к А. А. Краевскому даже назвал ее «надутой» [12, 480].

аплодисментами. Лист начал играть русские песни⁴¹. «Я хочу быть русским в этот момент, — сказал он, — но эти мелодии слишком печальны, я сыграю что-нибудь повеселей», и начал играть вальсы (Л. 110 об. — 111).

По единогласному мнению всех присутствовавших, Лист выказал себя умным, образованным и воспитанным человеком. Напротив, общая атмосфера и особенно поведение Шевырева на обеде стало предметом обсуждения (см. вышеуказанное письмо Боткина к Краевскому и отрывок из Дневника Герцена: «Прием Листа у Павлова выразил как-то всю юность нашего общества и весь характер его. Литераторы и шпионы, все высказывающее себя. Мне было грустно. А Лист мил и умен» [5, 280]). Приведу теперь слова Филатьевой, передающей разговоры об этом обеде:

Говорят, что Шевырев был навеселе после обеда, что он без конца уверял Листа в своем почтении, например: «так, что я еще хотел сказать? Говорят, что Вы играете на рояле, это не так, это Вы так говорите, что играете на рояле, но Вы ошибаетесь: на самом деле Вы играете на наших сердцах». На что кто-то ему ответил: «Месье, Вы фанфарон!»⁴². Так же как и все на обеде, герой праздника был чуть навеселе, что не помешало ему ни дать 20 рублей двум нищим, которые стояли у дверей, ни поехать потом к Павловым и продолжить развлекаться (Л. 123).

Непосредственные впечатления от пребывания Листа в Москве вскоре после его отъезда сменились осмыслением грандиозности произошедшего события. В городских журналах и газетах стали появляться статьи о большом вкладе Листа в историю фортепианного и шире — музыкального искусства (С. Шевырева, Ф. Глинки, А. Булгакова и многих других). Свое обобщение, во многом основанное на личном впечатлении, сделала и скромная московская барышня Екатерина Владимировна Филатьева, и, на мой взгляд, ее мнение удивительно верно передает главные качества Листа-человека и Листа-художника. «Мне кажется, — написала она в своем дневнике, — что в этом человеке есть что-то от рыцаря и героя, идея, за которую он борется, — идея красоты» (Л. 101).

Использованная литература:

1. *Арсеньев И.* Воспоминания о Листе: из моей памятной книжки // Колосья. СПб., 1885. №4. С. 157–160.
2. *Бродский Н. Л.* Лермонтов-студент и его товарищи (часть 4). Электронный ресурс: URL: <http://lermontov.niv.ru/lermontov/kritika/brodskij/lermontov-student-4.htm> (дата обращения: 9.11.2011).
3. *Булгаков А. Я.* Современные записки и воспоминания мои // РГАЛИ. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 4–19.
4. *Булгаков А. Я.* «У тебя целый Сан-Франциско в твоём архиве...» (из «Современных записок и воспоминаний»). Записи 1836–1859 г. / публ. С. В. Шумихина, пер. с франц. Н. В. Снытко // РГАЛИ. Встречи с прошлым. Вып. 9. М., 2000. С. 17–112.
5. *Герцен А. И.* Дневник // Полное собрание сочинений и писем: в 22 т. / под ред. М. К. Лемке. Т. III. Пг.: Лит. изд. отд. Наркомата по просвещению, 1915. 489 с.
6. *Глинка Ф.* Очарование и существенность // Московские ведомости. 1843. №55. 8 мая.
7. *Дризен Н.* Франц Лист в Москве (по неизданным документам) // Ежегодник императорских театров. 1911. Вып. 4. С. 79–85.
8. *Зилоти А. И.* Воспоминания и письма. Л.: Музгиз, 1963. 468 с.

⁴¹ Лист закончил свою вторую речь словами: «Вы знаете, господа, мое красноречие на фортепиано» [19, 324].

⁴² По словам Боткина, эти слова произнес сам Лист [12, 480].

9. Листомания. Из неизданного дневника московского почт-директора А. Я. Булгакова / публ. и примеч. С. Шумихина; перевод с фр. Н. В. Снытко // Наше наследие. 2002. №61. С. 72–75.
10. Лосева О. В. О русском путешествии Клары и Роберта Шуман // Музыкальная академия. 2002. №2. С. 122–144.
11. Меццерский А. Из моей старины // Русский архив. 1901. Кн. 1. №1. С. 95–118.
12. Мильштейн Я. Ференц Лист. Изд. 3-е. М.: Музыка, 1999. 651, [2] с., ил., нот. ил.
13. Переписка А. Н. Верстовского с А. М. Геденовым (1843–1859) // Ежегодник императорских театров. 1912. Вып. 7. С. 51–66.
14. Переписка А. Н. Верстовского с А. М. Геденовым // Ежегодник императорских театров. 1913. Вып. 1. С. 98–125.
15. Письмо А. Н. Верстовского к М. П. Погодину. Май 1843 года / публикация М. Блиновой // Советская музыка. 1951. №7. С. 77–78.
16. Рудакова Е. Лист в России // Советская музыка. 1961. №10. С. 68–76.
17. Стасов В. Шуман, Лист, Берлиоз в России // В. В. Стасов. Избр. соч.: в 3 т. Т. III. М.: Искусство, 1952. С. 409–484.
18. Трофимова Т. Лист в России // Советская музыка. 1937. №8. С. 55–60.
19. У. О. Обед, данный Листу в Москве // Москвитянин. 1843. №5. С. 322–324.
20. Феоктистов Е. М. Письма к И. С. Тургеневу. Электронный ресурс: http://az.lib.ru/f/feoktistow_e_m/text_0040.shtml. (дата обращения: 9.11.2011).
21. Филатьева Е. В. Дневник. 1843 год (на фр. языке). НИОР РГБ. Ф. 318 (Филатьевых). Д. 12.
22. Хвостенко В. (сост.). Лист в России // Советская музыка. 1936. №11. С. 30–48.
23. Шевырев С. Несколько слов о Листе // Москвитянин. 1843. №5. С. 324–326.
24. Gooley D. A. The Virtuoso Liszt. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 280 p.
25. Moormann P. Lisztomania — Starkult um der Virtuosen // Kieler Beiträge zur Filmmusikforschung. Ausgabe 7: Musik bei Ken Russel. October 2011 / Hrsg. von F. Döhl, A. Riethmüller und H. J. Wulff. S. 45–54.
26. Walker A. Franz Liszt: in 3 vols. Vol. I. The Virtuoso Years. 1811–1847. N.-Y.: Knopf, 1983. 481 p.